

14-21.05.92

14

ПРОЩАНИЕ

Экран и сцена - 1992 - 14 мая (№ 17-18) - с. 16

Де

В среду, 13 мая, Москва прощалась с великим кукольником и артистом Сергеем Владимировичем Образцовым. Дрогнули стрелки часов на здании Его театра, и пошло другое время. Всю жизнь он отставал от века на один год, но всегда был вровень с ним. Век двинулся дальше, Мастер остался. В памяти не одного поколения зрителей, в памяти культуры, в движении искусства, которое не остановилось с его уходом. Жизнь кончилась, начинается легенда.

О том, каким Он был, вспоминает другой большой артист, много лет проработавший с Сергеем Владимировичем Образцовым.

Зиновий ГЕРДТ: «А на Самотеке есть театр Образцова. Он с самого начала был его театром»

Дней десять назад ко мне попросился французский журналист. Он пишет книгу об Образцове. Он узнал, что есть я, и решил со мной поговорить. Приехал, и я стал при нем вспоминать. Для многих людей не секрет, что десять лет назад мы нехорошо расстались с Сергеем Владимировичем — шумно и скандально. Острота разрыва заглохла в душе, вызвавшие ее причины забылись. Сергея Владимировича я вспоминаю часто в связи с тем прекрасным, что было меж нами. Тридцать шесть лет мы были обречены на почти ежедневное соприкосновение. К тому же часто бывали на гастролях за границей, когда общение еще более постоянно — и днем, и вечером, и ночью.

Есть такое новомодное слово: «неоднозначный человек». Но неоднозначных людей не бывает, или они совсем тупые и скучные. Образцов был одаренный человек, со многих точек зрения совершенно уникальный, штучный. Кому, как не людям, ежедневно с ним жившим, знать о нем. Вряд ли кому известно, что Сергей Владимирович очень легко обольщался. Обольщался, что его театр — лучший на свете, он — лучший режиссер, спектакли его — замечательные. Хотя это явно было не так. В то же время он видел успехи отдельных кукольников — в основном заграничных. Он влюблялся в таланты, был ими перенасыщен: как он носился с Монтаном, да и не только с ним.

Поначалу (в начале 30-х) к нему примкнули отдельные сумасшедшие люди, отдавшие этому странному кукольному делу целиком. Замечательный художник Борис Тузлуков, войдя в этот театр, никогда уже ничем другим не занимался, кроме театра. Он жил в театре. Размышляя сейчас о Тузлукове, я думаю, что он не только придумывал кукол и декорации, но так организовывал пространство и так придумывал персонажи, что актерам оставалось только влезть в шкуру этих персонажей.

Необыкновенным художником — в смысле Артистом, Поэтом, Драматургом — был Евгений Вениаминович Сперанский (почти одноклассник Образцова, на два года моложе), до сих пор я считаю его главным человеком, сделавшим этот театр. Лучшие пьесы сочинил Сперанский, лучшим актером был Сперанский.

Недавно ушедший Семен Самодур — кукольный артист, которому нет и не может быть подобных. Его фантазия работала в немислимом для театрального артиста ракурсе, сама фантазия была другая — кукольная.

Ева Синельникова, сегодня живущая в Бруклине, навеки влюбленная в кукольное дело, видящая в нем источник вдохновения. Даже сейчас она, вполне пожилая дама, продолжает играть «Веселых медвежат».

Я не назвал многих людей, составлявших не труппу, а живое тело театра. Молодые, и я в их числе, понимали, что они приближены к чему-то необыкновенно тайному и изысканному.

Образцов как режиссер проявил себя по-настоящему только в сочинении своих эстрадных номеров. Их около двад-

цати. В них он и художник, и актер, и исполнитель. Надо сказать, что это вещи совершенно оригинальные. До таких открытий жанра, кроме Образцова, никто не додумывался. Это всегда было художественным открытием. Но его личная эстрадная карьера никогда не смешивалась с его работой в театре. Такое чувство было, что на эстраде он зарабатывает на жизнь, а жизнь его происходит только в театре. Оттого, что Образцов приблизил к себе совершенно одержимых жанром людей, не было ни одного спектакля, который поставлен был им самим. Это делал некий кружок людей, подходящих друг другу по диагнозу, стоящих друг друга людей. Из одной психиатрической палаты.

Будучи громко неверующим человеком, отрицавшим религиозность публично, в своем поведении он свято чтит заповеди и боялся греха. Может, прошло время, и допустимо рассказать тайное. В минуту откровения Сергей Владимирович мне говорил, что однажды уехал из дома на полгода с труппой куда-то в Америку и почувствовал, что влюбляется в артистку. Он перепугался этого (как отец Сергей — правда, пальцем себе не рубил) стал ежедневно писать жене любовные письма. Подавил в себе этот росток. Я восхитился: способен ли я на такое? Нет, конечно.

Он очень хорошо помнил свое детство, и масса детских черт сохранилась в нем. Ну, не старик, а ребенок. Несправедливость — детская, ревность —

детская, обидчивость — детская. Видимо, эти свойства определили такую данность: у Сергея Владимировича не было друзей юности, со школьных, гимназических, студенческих лет. Знакомых было очень много. А ежедневных друзей — нет. Просто они все были взрослые, а он — не очень. Вот может ли кто-нибудь себе представить, что семидесятилетний человек после южного отпуска собирает труппу и (как маленький мальчик читает стихотворение на табуретке) гордо снимает рубашку и показывает коллективу театра, как он загорел.

Или: идет репетиция какой-то массовой сцены — там четыре куклы, все они должны стоять одинаково ровно, но одна стоит косо и низко. Я сижу в зале возле режиссерского стола. Образцов шипит: «Кто это так бездарно держит вторую слева куклу?». Я отвечаю: «Такой-то». Он: «А черт! Я же его люблю. Как же быть?». То есть люблю и не могу ругать.

При Сталине в «Правде» появлялись статьи на нравственные темы. Публиковали их известные писатели, журналисты. Но только Образцов позволял себе в этих статьях пользоваться личным мнением «Я». Это всегда было заметно непохожестью на остальных.

Образцов был необычайно наднационален. Он на дух не выносил шовинизма и национальной дискриминации, даже анекдотов таких не терпел. Когда в начале 50-х годов была жуткая антисемитская кампания, он совершил один по-

ступок, меня восхитивший. Министерство велело сократить оркестр. Образцов собрал худсовет и сказал: надо сократить восемь человек. И назвал фамилии: Иванов, Петров, Сидоров и еще пять таких же. Я вскочил и говорю: «Вы в своем уме? Это же лучшие музыканты! У нас, что, слабых нет?» — «Есть» — Файнберг, Райзберг, Рабинович и еще пять таких». Образцов отвел меня в сторону: «Вы что, не понимаете, что в стране творится? Файнберг, Райзберг и Рабинович умрут с голоду, а Иванова, Петрова и Сидорова завтра же любой оркестр возьмет». Я-то понимал, но не все, — за его спиной был в безопасности.

Образцов любил Сталина за то, что Сталин любил Образцова. После каждого 7 ноября или 1 мая, когда он выступал перед Сталиным, он приходил в театр и со слезами рассказывал, что сказал Иосиф Виссарионович. Однако понимал, что не все в порядке в королевстве. Хотя сам Образцов был как бы охранной грамотой: репрессий в театре почти не было. Потом Хрущев снял с поста министра обороны Жукова. Я прихожу в театр, встречаю Сергея Владимировича и говорю: «Вы слышали это ужасное известие? В интересное время живем». Он: «Да... Хотелось бы пожить в неинтересное».

Не в пример другим хозяевам театров, он высоко ценил семейственность в театре. Радовался, когда в театр приходили работать дети актеров, никого никогда не увольнял по старости. Это был даже принцип. В нем жила страсть к тому, чтобы не было резких перемен. Вот и сейчас можно позвонить в бухгалтерию и спросить Евгению Александровну — и это спустя сорок лет. В этом есть что-то замечательно ветхозаветное. И что-то стабильное.

Втереться к Сергею Владимировичу в доверие ничего не стоило. Он был «обманиваться рад». Легковерен был к лестному суждению о нем или его театре. Какие-то не очень порядочные артисточки втирались в душевную дружбу, а ему казалось — «вот, какая прекрасная атмосфера». На творчество это влияло дурно.

Что-то старинное все же есть в этом театре, хотя многое переменялось — пришли новые, ужасно практичные люди, но во внутритеатральных службах остались работники со старинными понятиями, внедренными Образцовым. Я полагаю, что этот театр как художественная данность давно потерял и свою публику, и прессу. Остался какой-то исторический интерес у иностранцев, командировочных — как к Царь-Пушке, что ли.

Однако, может статься, найдется человек или группа людей, которые проникнутся ретроспективной прелестью и возродят то высокохудожественное, что было когда-то в этом театре. Пожалуй, это будет единственный в Москве театр, название которого оправданно. Какое отношение имеет к Пушкину театр на Тверском бульваре, какое отношение имеет к Гоголю театр на Земляном валу? А на Самотеке — театр Образцова. Он с самого начала был его театром.

Записала
Марина ТИМАШЕВА.

Главный редактор А. А. АВДЕЕНКО

Типография издательства «Пресса», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24. Индекс 50182, Тип. № 11152. Адрес редакции 101484, ГСП, Москва, ул. Новослободская, 73. Факс: [095] 2003225. Телефон секретариата: 285-79-28. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция справок не дает. «Экран и сцена» выходит по четвергам. Цена свободная. Подписано в печать 13.05.1992 г. в 14.00.